Центральная Азия – ключевой регион мировой политики

Семен Багдасаров

Семен Багдасаров – депутат Государственной думы РФ (фракция «Справедливая Россия»), член комитета ГД РФ по международным делам

Китай после распада СССР проводит крайне активную политику в Центральной Азии, в первую очередь направленную на приобретение небольших, часто расположенных в труднодоступных районах территорий. Такие приобретения состоялись в результате переговоров по спорным территориям с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также с Россией (небезызвестное приобретение в районе Амура). Китайцы всюду создают комиссии, делящие так называемые спорные территории, хотя до распада СССР они таковыми не считались. Например, Таджикистан отдал Китаю тысячу квадратных километров в труднодоступном Мургабском районе. Неоднократно там побывав, могу утверждать, что в этом высокогорном районе (пять километров над уровнем моря) нет ничего ценного. Но это стратегическое место, которое в перспективе позволяет контролировать Горно-Бадахшанскую автономную область и особенно пути, ведущие в Ферганскую долину. В этом регионе у Китая есть претензии к Таджикистану в размере двадцати восьми тысяч квадратных километров, что сопоставимо с территорией нынешней Армении.

Кроме активной территориальной экспансии символического свойства, Китай крайне деятелен в экономических вопросах. Практически со всеми государствами Центральной Азии у него есть совместные проекты. С Туркменией и Казахстаном китайцы заключили ряд договоров по переброске газа в Китай. Соответственно растет и влияние Китая в этом регионе. К сожалению, **российская политика в Центральноазиатском регионе практически не выстроена**. В ее основе лежат принципы 1990-х годов, когда Россию считали страной, несомненно доминирующей в этом регионе, куда еще активно не вмешивались ни Соединенные Штаты, ни страны Запада, ни Китай. Но сегодня ситуация кардинально изменилась. Взять тот же Таджикистан. Всем известно про российскую 201-ю военную базу. Но мало кто знает, что в Душанбе есть база вооруженных сил Франции. Попытка же установить там авиационное прикрытие нашей базы путем размещения военно-воздушной базы встретило непонимание таджикской стороны. Мы так и не утрясли этот вопрос. В результате чего наши военные летчики вынуждены были покинуть Таджикистан.

> Российская политика в Центральноазиатском регионе основывается на принципах 1990-х годов, когда Россию считали страной, несомненно доминирующей в этом регионе, куда еще активно не вмешивались ни США, ни страны Запада, ни Китай

В то же время **у России и Китая есть общие проблемы в Центральноазиатском регионе**. У Китая есть так называемый Синцзянь-Уйгурский автономный район (Восточный Туркестан). Он граничит с афганским Бадахшаном, с Ваханским коридором, Киргизией и Таджикистаном по району Мургаба. Основное население – уйгуры, народность тюркского происхождения, близкая к узбекам. На территории этого автономного района действуют экстремистские группировки радикального толка, совершившие в канун Олимпиады в Пекине несколько террористических акций. Они тесно сотрудничают с рядом экстремистских организаций Центральной Азии, Афганистана и Пакистана, с Исламской партией Туркестана. Когда в 2002 году встал вопрос о переименовании Исламского движения Узбекистана, первым вариантом было название «Исламское движение Центральной Азии», и туда должны были войти уйгурские радикальные группы из Синцзянь-Уйгурского автономного района. Поэтому в вопросе борьбы с терроризмом Россия и Китай должны координировать свои действия.

***

Возможна ли военная операция США в Пакистане? Она уже осуществляется через использование так называемых беспилотных самолетов, которые наносят удары по скоплениям якобы членов движения «Талибан». А, к сожалению, гибнут от этого мирные люди. Но в целом пока администрация США старается давить на пакистанское руководство, в первую очередь на президента Зардари, для активизации военных действий против «Талибана». Последние события в долине реки Сват показывают, к чему это приводит: имеется более двух миллионов беженцев, идут бои,

была целая серия взрывов, в том числе в столице Пенджаба Лахоре. Конфликт приобретает уже характер национального. Вся политическая элита, в том числе президент, – пенджабцы. А бои идут там, где живут преимущественно пуштуны. Это неблаговидная задача – поставить под контроль ту или иную часть Пуштунистана, в первую очередь такие регионы, как Северо-Западная провинция или так называемая Зона племен федерального управления, или сейчас долина Сват. При бывшем президенте Пакистана Мушаррафе ситуация в Пакистане была более или менее регулируемой. Американская идея сменить Мушаррафа на Зардари как на более управляемого только ухудшила ситуацию. У Зардари явно не получается держать ситуацию под контролем. Другая идея американцев – реформировать так называемую межведомственную разведку Пакистана, на которую ложилась большая часть проблем с «Талибаном», – также провалилась. Они так ее реорганизовали, что, судя по всему, сейчас вообще непонятно, кто что там контролирует. Кстати, в армии и спецслужбах Пакистана очень много генералов и офицеров пуштунского происхождения, что тоже может иметь определенные последствия.

Пакистан расположен значительно ближе к России, чем к США. Между Пакистаном и Таджикистаном есть узкий Ваханский коридор (в самом узком месте – всего тридцать километров). В свое время это была специально созданная буферная зона между Российской и Британской империями. За ним начинается Таджикистан – государство, с которым у нас безвизовый режим.

Возможно, это цинично, но **надо дать американцам увязнуть в пакистанских делах**. Американцы все равно не решат пакистанскую проблему. И вряд ли китайцы будут вмешиваться. Они вообще проводят взвешенную политику по отношению к тому же Афганистану. Например, их Синцзянь-Уйгурский автономный район граничит с афганской провинцией Бадахшан. Но **китайцам и в голову не приходит предоставлять свою территорию для базы американских союзников по НАТО, оказывать помощь в переброске грузов**. А Россия участвует в переброске грузов целым рядом крупных авиакомпаний, такими как «Волга – Днепр». Причем не только по северному маршруту, через Россию, но и по западному, через арабские страны, с выходом на Турцию, Закавказье и Среднюю Азию, и даже по южному. Китайцы же поддерживают отношения с властями Афганистана. Поэтому **пусть господин Бжезинский развивает свои идеи об американско-китайском союзе за счет исключения России, они обречены на провал**.

Много говорят о миграционной угрозе, которую Китай представляет для России. По разным данным, у нас проживает от двенадцати до пятнадцати миллионов мигрантов. Но, по моим подсчетам, только в государствах Центральной Азии, Закавказья и Казахстане проживает около семи с половиной миллионов русскоязычного населения. При этом российские программы по переселению не работают. Между тем, используя их, можно было бы предоставить возможность русскоязычному населению для переселения на Дальний Восток и в Сибирь. ■

Специально для РЖ

Иррациональные страхи Казахстана – потенциальный плюс для России

ЮРИЙ СОЛОЗОБОВ – руководитель Центра «Международная энергополитика»

Специально для РЖ

Одна из явных проблем Шанхайской организации сотрудничества в том, что ее отцы-учредители понимают задачи организации по-разному. Китай с самого начала воспринимал ШОС как инструмент своего легального проникновения в Центральноазиатский регион. Страны этого региона с удовольствием приняли такой формат, потому что это позволило им создать хоть какие-то правила игры с огромной сверхдержавой. Россия же планировала ШОС как инструмент формирования многополярного мира. В перспективе – новый внешнеполитический блок в Евразии.

Но сегодня Пекин считает, что благодаря его растущей экономике и армии позиция Китая в рамках ШОС победит всегда. Отсюда **единственный шанс для России – увеличение политического потенциала ШОС**, что и записано в новой Национальной стратегии до 2020 года. Это означает активное подключение к ШОС Ирана и Индии. Однако здесь возникает ряд трудностей, в частности взаимные конфликты между Индией и Китаем, Пакистаном и Индией.

Против быстрого расширения ШОС выступает наш стратегический партнер Казахстан. Его устраивает ситуация зафиксированного баланса сил. Россия должна терпеливо разъяснять Казахстану, что нельзя придерживаться такой стратегии в долгосрочной перспективе – это приведет либо к доминированию Китая, либо к девальвации ШОС до слабого регионального союза. Баланс сил на бумаге не зафиксируешь!

Касательно отношения Казахстана к Китаю. Де-факто **присутствие Китая в экономике Казахстана ничтожно мало по сравнению с той долей, которую Пекин мог бы там иметь**. Видимо, политическая элита Казахстана мыслит не только меркантильными интересами, но и историческими категориями. К примеру, был этап джунгарской резни, когда казахский этнос мог быть физически уничтожен, что послужило основанием для обращения к русскому царю. В Казахстане все помнят, что за джунгарцами тогда стоял Китай, который стремился освободить себе жизненное пространство для расширения. Наши политики недооценивают этот, может быть, иррациональный исторический страх. **Боязнь российского политического класса, что завтра китайцы будут рулить по всему Казахстану, не более чем досужие разговоры**. Да, китайцы имеют доли в казахских фирмах, присутствуют в сырьевом секторе, но Астана пускает их туда крайне аккуратно и дозированно. ■